

Цзи Цзиньжун не проявлял особого интереса к товарам, однако «дары моря» и заморские диковинки, привезенные торговой флотилией, его весьма заинтересовали. На одном из кораблей служил старый матрос, знавший толк в еде. Увидев, что Цзи Цзиньжун с любопытством разглядывает его личные «трофеи», он тут же пустился в пространные объяснения.

Цзи Цзиньжун слушал с неподдельным интересом.

Морские переходы — дело тяжкое. Свежего мяса или овощей не достать, питаться приходилось в основном солониной, квашеными овощами да сушеными кореньями. Бывало, что зерно заканчивалось, а до берега было еще далеко, и тогда на обед подавали лишь жиденькую кашу, в которой плавало несколько зерен риса.

Чтобы не умереть с голоду, матросам приходилось промышлять рыбной ловлей прямо в открытом море. Каждый раз, когда удавалось добыть много свежего улова, его тут же перерабатывали: делали рыбную нарезку, фарш, пасту, консервы или же креветочную и крабовую пасты, которые затем закладывали в ледники, чтобы было чем питаться в долгом пути.

— Его Высочество перед каждым выходом велит подготовить всё необходимое, — с чувством говорил старый матрос. — Даже если мы в море по три-четыре месяца, в наших ледниках всегда остается запас провизии. Мы встречали другие корабли, так им повезло куда меньше: не только еды не хватало, так еще и болезни одолевали! — после чего он принялся рассказывать Цзи Цзиньжуну о чуме и цинге.

Цзи Цзиньжун внимательно слушал, изредка кивая, чтобы матрос видел: он его слышит.

Чжэньнань-ван, видя, что Цзи Цзиньжун увлечен беседой, не стал мешать, а лишь приказал подчиненным доложить, не случилось ли в пути непредвиденных обстоятельств.

Военачальник уже открыл было рот, как вдруг раздался грохот. Обернувшись на звук, они увидели, как неподалеку одна из лодок отчаянно затряслась!

Солдаты, охранявшие судно, выбежали на палубу с криками:

— Генерал! Генерал! Оно движется! Оно живое! Только что перевернулось!

Сердце военачальника пропустило удар.

Цзи Цзиньжун тоже заметил неладное и поднял голову. Он увидел, как толстый канат, натянутый до предела, резко дернулся, едва не опрокинув огромное судно.

Вскоре из морской пучины показалась голова чудовищного существа.

Цзи Цзиньжун не испугался. Он не сводил глаз с морского монстра.

Постепенно из воды показалась его спина, высокая, как гора, поросшая водорослями и коралловыми рифами. Некоторые кораллы были толстыми и ярко окрашенными, выглядели они невероятно красиво. Белая морская пена низвергалась с его спины, вздымая вокруг высокие волны.

Потоки воды «стекали» довольно долго, прежде чем показался весь облик чудовища.

Там, где спина не была покрыта кораллами, кожа была черной и блестящей, с острыми шипами, похожими на твердый панцирь. А под панцирем показалась огромная голова — чтобы обхватить её, понадобилось бы двое взрослых мужчин!

Существо напоминало черепаху, но не совсем.

По крайней мере, его голова была до того странной, что никак не подходила под облик гигантской черепахи. Глаза монстра излучали холодный свет, словно он был в ярости. Он отчаянно барахтался, пытаясь разорвать толстые канаты, которыми его привязали, и силы его были таковы, что корабль, тянувший «черепаший панцирь», едва не пошел ко дну!

Военачальник поспешно сказал:

— Ваше Величество, Ваше Высочество, уходите с корабля!

Цзи Цзиньжун видел, что, несмотря на яростное сопротивление, монстр не пытается напасть. Он понял, что существо разумно и просто хочет освободиться, не причиняя никому вреда. Он посмотрел на Чжэньнань-вана:

— Камень!

Чжэньнань-ван, давно следовавший за Цзи Цзиньжуном, с полуслова понял его намерение.

— Я сделаю это, — ответил он.

Чжэньнань-ван выхватил меч, одним прыжком перемахнул на накренившееся судно, а затем, ловко ступая по натянутым канатам, взобрался на спину монстра. Несмотря на то что чудовище неистово металось, он стоял так твердо, словно на ровной земле.

Не успели люди и глазом моргнуть, как Чжэньнань-ван взмахнул мечом, и прочные канаты соскользнули в море. Пока веревки еще не упали окончательно, он оттолкнулся и вернулся на ближайший корабль.

Монстр обрел свободу, и море забурлило.

Чжэньнань-ван убрал меч и спокойно вернулся к Цзи Цзиньжуну.

Цзи Цзиньжун обратился к чудовищу:

— Возвращайся. Ступай обратно в море.

Морская гладь постепенно успокоилась.

Монстр замер — ни уплыть, ни погрузиться он не спешил, словно прилег отдохнуть на ровном месте.

Цзи Цзиньжун произнес:

— Когда настанет мир, я обязательно приглашу тебя снова!

Казалось, чудовище поняло его слова: оно резко развернулось и, не оглядываясь, ушло под воду. Сначала в глубине еще можно было разглядеть смутный силуэт, но вскоре и он исчез, будто вся эта суматоха была лишь сном.

Когда люди очнулись, словно от наваждения, военачальник первым упал на одно колено, а следом за ним склонились и все солдаты. Они в один голос провозгласили:

— Сюаньу явился, в Поднебесной воцарится мир!

Сюаньу явился, в Поднебесной воцарится мир!

Голоса морских вояк, закаленных в штормах, гремели, как гром. Рабочие и праздные зеваки, до этого заворуженно наблюдавшие за происходящим, опомнились и, опустившись на колени, подхватили крик:

— Сюаньу явился, в Поднебесной воцарится мир!

Цзи Цзиньжун с достоинством принял поклонение.

Больше всего он ценил в людях именно такую проницательность. Стоило лишь намекнуть, как они всё понимали. Неважно, была ли это просто огромная черепаха или сам Сюаньу — раз столько людей видели это и столько людей прокричали, значит, это Сюаньу! В военных походах издревле ценилось «наличие законного повода», и теперь, после случившегося, любые действия Чжэньнань-вана будут считаться «соответствующими воле Небес».

Цзи Цзиньжун взглянул на Чжэньнань-вана.

Тот всё понял. Сохраняя невозмутимость, он с улыбкой произнес:

— Ваше Величество, пора обедать.

Обед устроили прямо на пристани.

Условия были далеки от дворцовых, зато еда была свежайшей. Морепродукты выловили только что: стоило Чжэньнань-вану отдать приказ, как рыболовецкие суда ушли в море и вскоре вернулись с богатым уловом. Детишки, собравшие у каменных стен пристани морских моллюсков, радостно отдали их поварам, чтобы те добавили их в кашу.

Для матросов и солдат, месяцами скитавшихся в море, свежие овощи и фрукты были куда желаннее любых морепродуктов. Хотя они и привезли с собой немало консервированных соков, они не шли ни в какое сравнение со свежими плодами.

Цзи Цзиньжун смотрел на это с любопытством.

Хотя сам он земледелием не занимался, но и несведущим в этом деле не был. Он знал, что у каждого овоща и злака свой сезон, а сейчас зима — по идее, такого количества овощей быть не должно. Обычно свежие овощи в это время года подавали только к императорскому столу, из теплиц.

Цзи Цзиньжун посмотрел на Чжэньнань-вана.

Тот ответил:

— Ваше Величество не любит овощи, поэтому и не обращали внимания. — И он вкратце объяснил, откуда взялись эти свежие продукты. В том мире, откуда они пришли, ресурсы были крайне истощены, выращивать овощи было трудно, и большинство людей выживало лишь благодаря искусственным питательным смесям. В ту эпоху люди из кожи вон лезли, чтобы вырастить хотя бы росток — для них это было величайшим счастьем.

По сравнению с этим, суровые холода были сущим пустяком.

— Наши теплицы похожи на дворцовые, — продолжал Чжэньнань-ван, — но обходятся дешевле, а материалы найти проще. Уже несколько лет мы выращиваем овощи и фрукты даже зимой. В последние два года зимние овощи стали доступны простым людям, их можно купить на рынках во всех крупных областях и уездах.

То, о чем рассказывал Чжэньнань-ван, было так необычно, что Цзи Цзиньжун слушал со всем вниманием. Если бы такие методы существовали раньше, Великая Чжоу не оказалась бы на краю гибели.

И именно из-за того, что страна дошла до такого состояния, старый наставник и остальные согласились на то, чтобы Вэй Тинцзюнь взойшел на трон.

Когда здание рушится, не до раздумий о чистоте императорской крови — важно лишь, чтобы Великая Чжоу устояла!

Но теперь еще не поздно.

Если они действительно смогут вернуться, то непременно сумеют переломить ход событий и выведут Чжоу из опасности.

Цзи Цзиньжун со спокойной душой принялся за обед.

Когда они с Чжэньнань-ваном закончили, к ним подошел тот самый морской военачальник. Он уже распорядился разгрузить и рассортировать товары, чтобы отправить их в столицу. Получив одобрителный кивок от Цзи Цзиньжуна, он присел рядом и заговорил о «Сюань»:

— Кто-то в море заметил этот огромный панцирь и, решив, что он выглядит весьма внушительно, обвязал его канатами и притащил на буксире. Поскольку панцирь долго не подавал признаков жизни, все решили, что он пустой, и не придали этому значения.

Цзи Цзиньжун вспомнил тот черный панцирь — огромный, словно гора, и вправду выглядел впечатляюще!

— Поразительно, — заметил Цзи Цзиньжун.

Военачальник вошел в раж и радостно продолжил:

— Не то слово! Кто бы мог подумать, что, как только мы подойдем к берегу, он оживет! Ваше Величество, я и правда думаю, что это может быть Сюань! Я столько раз ходил в море и видел немало морских черепах, но этот панцирь совсем на них не похож. А уж когда я разглядел его голову и зубы — они просто огромны, обычные черепахи такими не бывают!

Цзи Цзиньжун слушал его с улыбкой, не вступая в спор.

Чжэньнань-вану этот болтливый вояка начал действовать на нервы. Даже если это был его собственный подчиненный, ему не нравилось, что кто-то так настойчиво пытается привлечь внимание Цзи Цзиньжуна.

Чжэньнань-ван перебил его:

— Ваше Величество, вы наелись?

— Почти, — ответил Цзи Цзиньжун.

— С флотом прибыли несколько западных мореплавателей, они умеют печь нечто под

названием «хлеб», — сказал Чжэньнань-ван. — Это не совсем то, к чему мы привыкли, вроде наших паровых булочек, Ваше Величество может попробовать. Как только появятся условия, я велю им приготовить для вас западные десерты.

Глаза Цзи Цзиньжуна загорелись, и он с нескрываемым удовольствием воскликнул:

— Хорошо!

Военачальник: «...»

Кто говорил, что они амбициозны? По-моему, их ван готов упаковать все лучшие вещи мира, лишь бы порадовать Его Величество! Теперь понятно, почему ван велел ему искать лучших поваров и продукты — всё ради того, чтобы угодить Его Величеству!

Цзи Цзиньжун был сыт уже на семь десятых, но, услышав о новом лакомстве, тут же отставил всё остальное. Он встал и вместе с Чжэньнань-ваном отправился посмотреть, как западные повара пекут хлеб. Хотя рецепт был другим, ингредиенты оказались почти теми же — в основном пшеничная мука.

Однако процесс приготовления отличался.

Цзи Цзиньжун никогда не видел, как делают булочки, и с интересом наблюдал за процессом. Западные люди были рослыми, с необычным цветом волос и глаз, а их широкие ладони, словно опахала, ловко лепили тесто. Печь для хлеба тоже была другой. Цзи Цзиньжун долго наблюдал, а видя, что хлеб еще не готов, под руководством повара сам замесил кусочек теста и придал ему форму.

Вскоре в импровизированной «кухне» разлился аромат свежего хлеба.

Возможно, потому что он никогда раньше его не пробовал, Цзи Цзиньжун принялся и нашел этот запах необычайно сладким и манящим.

Чжэньнань-ван взял большую буханку и отломил Цзи Цзиньжуну половинку. Корочка была золотистой, а внутри хлеб оказался белоснежным, пышным и мягким.

Цзи Цзиньжун попробовал кусочек и пришел в восторг: снаружи хрустящий, внутри нежный — просто объедение!

— Если не добавлять закваску, он получится более плоским и жестким, — пояснил Чжэньнань-ван, — зато дольше хранится — полмесяца не испортится. В военных походах это незаменимая вещь.

Цзи Цзиньжун понимал, что это значит. Теперь в походах солдаты смогут брать еду с собой, не

боясь, что провизия закончится или не будет возможности развести огонь. Для форсированных марш-бросков это был идеальный паек.

— Неплохо! — похвалил он.

Чжэньнань-ван дал ему попробовать еще два вида хлеба, а затем велел подать вино, привезенное торговцами:

— Это вино сладкое и мягкое, выпейте перед сном чашечку, и будете спать как младенец.

Цзи Цзиньжун посмотрел на рубиновый напиток, и его охватило любопытство.

Чжэньнань-ван сел напротив и лично налил ему вина:

— Это вино из винограда, в нем мало крепости, как раз для вас.

Цзи Цзиньжун попробовал — Чжэньнань-ван не обманул. Вино было сладким, с приятным ароматом и красивым цветом. Оно ему действительно понравилось!

Глаза Цзи Цзиньжуна засияли, и он сказал Чжэньнань-вану:

— Мне нравится.

Цзи Цзиньжун и его свита вернулись домой с триумфом.

Помимо товаров, торговая флотилия привезла западных купцов, желавших вести торговлю с Великой Ци. Эти люди прошли строгий отбор, отличались знатным происхождением и хорошим воспитанием.

Хань Шичжи, которому поручили реорганизовать Хунлусы, преобразил ведомство до неузнаваемости.

Приняв западных гостей, чиновники Хунлусы были потрясены. Морская торговля была для них чем-то чуждым, а другие материка — чем-то невообразимым. Но эти западные люди явились в роскошных одеждах, привезли диковинные вещицы, которые, хоть и не превосходили товары Великой Ци, но ничуть им не уступали.

Это шокировало придворных, привыкших считать себя единственным центром культуры и цивилизации.

В их представлении западные люди были дикарями и грубиянами, которых любой житель Ци мог обвести вокруг пальца. Но при виде этих образованных аристократов горделивые чиновники Великой Ци притихли, и тишина эта была необычной.

Человеческая душа — вещь загадочная. Когда их били Силян, когда их унижали тюрки, они не чувствовали такой угрозы.

Будь то Силян, лишь жалко подражающий Великой Ци, или непросвещенные тюрки — ко всем им они относились свысока, ведь самое лучшее оружие и самые изысканные вещи могли создать только в Ци.

Но тут вдруг появились эти люди — никто не знал, откуда они взялись, какова их история и каков их нрав. Они просто возникли из ниоткуда, привезли такие же искусные товары и такое же грозное оружие.

Это было похоже на то, как если бы Небеса, даровавшие им свое благоволение на тысячи лет, вдруг решили, что они не единственные избранные.

Придворные были в смятении.

Теперь никто уже не подавал прошений с призывом убедить Чжэньнань-вана прекратить войны. Воевать было нужно, причем жестко и красиво, чтобы никто не смел смотреть на них свысока. Раз уж через несколько дней император Силяна прибудет с повинной, нужно, чтобы эти западные варвары увидели всё своими глазами и не вздумали замышлять недоброе!

Чжансунь Мэн всё еще пребывал в растерянности.

Раньше, стоило при дворе заговорить о войне, как все замолкали, стараясь избежать этой темы. Теперь всё изменилось: его деда вернули на службу, других военачальников превозносили. А когда зашла речь о прибытии послов из Силяна, гражданские чиновники принялись придумывать сотни способов, как обвести их вокруг пальца, вплоть до того, чтобы превратить Силян в Западную Ци.

Чжансунь Мэн обратился к Хань Шичжи:

— Вы, ученые люди, когда беретесь за дело, становитесь просто ужасными...

Хань Шичжи помолчал, а затем медленно произнес:

— Что же в этом ужасного?

Чжансунь Мэн не мог объяснить. Он просто чувствовал, что если бы на их месте оказался он сам, то погиб бы сотню раз!

Ученые убивают без ножа.

— Не знаю, просто страшно, — ответил Чжансунь Мэн.

— Прежде всего, меч в руках должен быть острым, — сказал Хань Шичжи, — только тогда все эти хитрости имеют смысл. Если не можешь победить в бою, к чему все твои расчеты?

Услышав это, Чжансунь Мэн немного успокоился:

— Ты прав. Но мне всё равно не по себе. Если я случайно обижу кого-то из вас, то даже не пойму, как умру!

Хань Шичжи поджал губы и промолчал.

— Когда разберутся с Силяном, Его Величество наверняка придумает способ разделаться с тюрками, верно? — снова спросил Чжансунь Мэн.

Хань Шичжи взглянул на него и спросил:

— «Стратегии царя У» до конца переписал?

Лицо Чжансунь Мэна тут же окаменело.

— Перепишешь — принесешь мне вечером, — отрезал Хань Шичжи.

Чжансунь Мэн недовольно проворчал:

— Не понимаю, какой толк от переписывания книг! Ты же сам сказал — главное, чтобы меч был острым, иначе всё остальное — пустая трата времени. Разве недостаточно того, что я буду усердно тренироваться?

Хань Шичжи молчал.

— У меня от книг голова идет кругом... — пожаловался Чжансунь Мэн.

— Хорошо, — сказал Хань Шичжи, глядя на него. — Впредь можешь ко мне не приходить. — С этими словами он забрал документы со стола и вышел.

Чжансунь Мэн застыл. Он лишь хотел поторговаться, чтобы отложить срок хотя бы на пару дней, но не ожидал, что Хань Шичжи так ответит!

Опомнившись, он бросился вдогонку:

— Шичжи, Шичжи, подожди! — Он был быстрым и вскоре нагнал его, вцепившись в руку, чтобы тот не ушел.

На глазах у всех он тянул его за рукав, выкрикивая имя, и чиновники, проходившие мимо, украдкой поглядывали на них. Хань Шичжи, слегка разгневанный, прикрикнул:

— Что ты делаешь!

Чжансунь Мэн пролепетал:

— Шичжи, не злись, я виноват. Я всё перепишу и пришлю к тебе домой.

— Не нужно, — ответил Хань Шичжи. — Это я не должен был тебя заставлять.

Чжансунь Мэн больше всего боялся этого холодного, отчужденного тона. Он поклялся:

— Я правда буду читать и переписывать! Не злись, ты меня не заставлял, я сам хочу! Раньше дед бил меня до полусмерти, но я не прочел ни одной книги, а с тех пор как встретил тебя, я осилил целых семь! Правда, я сам хочу читать!

Хань Шичжи нахмурился:

— Отпусти.

— Не отпущу! Шичжи...

Хань Шичжи бесстрастно произнес:

— Перепишешь еще раз.

Чжансунь Мэн остолбенел, а затем расплылся в улыбке:

— Хорошо, хорошо! — Но, осознав, на что согласился, он открыл рот, словно проглотил горькую пилюлю: — В «Стратегиях царя У» ведь несколько тысяч иероглифов...

Хань Шичжи посмотрел на него.

Чжансунь Мэн не посмел больше пикнуть, молча отпустил его руку и позволил идти по делам.

Передав документы, Хань Шичжи отправился на аудиенцию к Цзи Цзиньжуну.

Увидев Хань Шичжи, Цзи Цзиньжун улыбнулся:

— Шичжи.

Хань Шичжи, чьи мысли были заняты Яньбэем, давно наблюдал за Цзи Цзиньжуном. Но раньше у нового императора было мало возможностей показаться на публике, а у них — шансов приблизиться к нему. Теперь же, удостоившись доверия императора и став свидетелем его методов, он проникся к нему глубочайшим почтением.

Хань Шичжи почтительно поклонился:

— Ваше Величество, в Хунлусы готовятся к тому, чтобы западные купцы присутствовали на церемонии принятия капитуляции.

Цзи Цзиньжун сразу понял замысел придворных.

— Хорошо, — сказал он.

— История с Сюанью разнеслась по всей стране, — продолжил Хань Шичжи. — Несколько дней назад я велел художникам изобразить случившееся. Теперь, когда картина готова, прошу Ваше Величество взглянуть, не нужно ли внести правки.

Цзи Цзиньжун кивнул и, поднявшись, последовал за Хань Шичжи.

<http://bllate.org/book/22178/2310784>